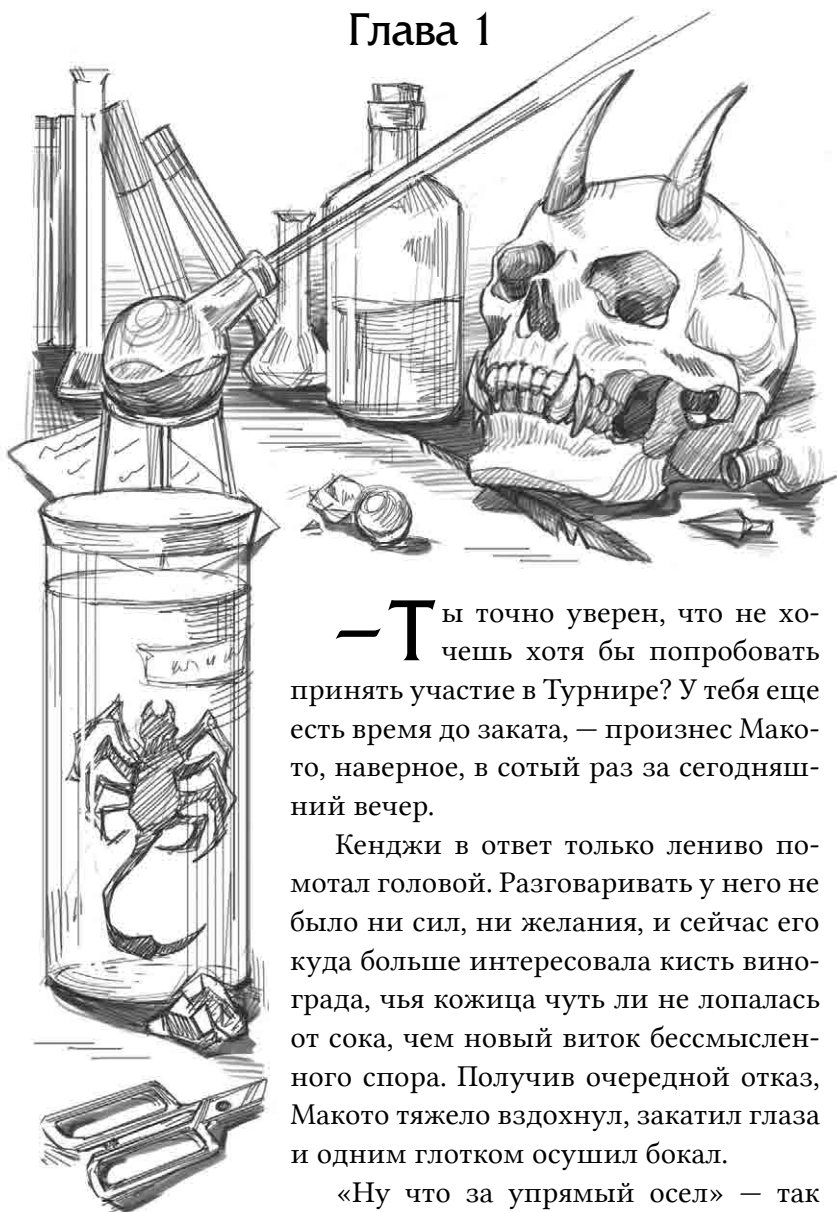

Глава 1

— Ты точно уверен, что не хочешь хотя бы попробовать принять участие в Турнире? У тебя еще есть время до заката, — произнес Мако-то, наверное, в сотый раз за сегодняш- ний вечер.

Кенджи в ответ только лениво по- мотал головой. Разговаривать у него не было ни сил, ни желания, и сейчас его куда больше интересовала кисть вино- града, чья кожица чуть ли не лопалась от сока, чем новый виток бессмыслен- ного спора. Получив очередной отказ, Мако-то тяжело вздохнул, закатил глаза и одним глотком осушил бокал.

«Ну что за упрямый осел» — так и читалось на его лице. Вылив в стакан

последние капли из стоявшего прямо на полу кувшина, он крикнул юдзё¹ — и через несколько мгновений вокруг них уже хлопотали миниатюрные девушки в ярких разноцветных кимоно, в которых они походили на птичек. Лица их были выкрашены белой краской, глаза подведены углем, а блестящие под лампами волосы, обильно смазанные не то воском, не то жиром, каждая из красоток разделила на два «крыла» и большой пучок на затылке, из которого торчали длинные деревянные шпильки.

— Одна к одной, верно? — подмигнул другу Макото, когда за последней девицей закрылась раздвижная дверь; но перед тем они успели наполнить пустые тарелки, принести еще вина и подлить кипятка на угли в жаровнях, пар от которых немедля наполнил весь зал, словно туман. — К слову, вон та рыженькая к тебе чуть ли не на коленки прыгала. И так к тебе прижмется, и эдак, а уж попкой крутила — у меня самого чуть башка не закружилась. Видать, ей твой шрам понравился.

— Который из? — усмехнулся Кенджи, наполнил кубок и с наслаждением растянулся на мягчайших подушках.

За последний месяц он уделял столько времени тренировкам, что старался насладиться каждым выпавшим мгном отдыха, который превратился в недостижимую мечту.

— Тот, что посвежее. Ты б присмотрелся, чего клювом щелкать, — сюда, между прочим, работать устроиться не легче, чем стрелу мечом отбить. Девуцы-то все как на подбор — воспитанные, умные, красивые. — Макото мечтательно закатил глаза. — А уж муштруют их перед тем, как к гостям выпустить... Это тебе не дешевый бордель

---

¹ Юдзё (дословно — «женщина для удовольствия») — общий термин для японских средневековых куртизанок и проституток.

какой-нибудь, где пиво в лучшем случае дождевой водой разбавляют, а разносят его уличные замухрышки, которые разве что не в рукав при гостях сморкаются. Нет, брат, здесь каждый может почувствовать себя королем.

— Естественно, за такие-то деньги, — заметил Кенджи.

И это было сущей правдой. Сейчас они проводили время в одной из самых дорогих купален столицы под названием «Алмазная цапля» и за неполный вечер уже успели спустить целое состояние, на которое, наверное, жители какой-нибудь деревушки могли питаться неделю, притом не особо стесняя себя в рационе. Ходят слухи, что сюда не брезгают заходить богатейшие купцы, чиновники высшего звена и даже главы Великих Домов — и немудрено.

Заведение это буквально кричало о роскоши. Целых пять этажей здания из белого кирпича могли похвастаться как просторными светлыми залами, так и уютными кабинетами, в которых клубился полумрак; бассейны с холодной и чистой, словно слеза, водицей соседствовали с парными, а между ними располагалась оранжерея с живыми растениями, в лабиринтах которой нетрудно было заплутать на несколько часов.

То тут, то там журчали миниатюрные фонтаны и стояли статуи различных зверей и диковинных созданий, выполненные с таким мастерством, что на первый взгляд их можно было принять за живых; на стенах же висели искусные гобелены и картины в резных рамах. Под ногами — мягчайшие ковры и пушистые шкуры, над головами — светильники всех мыслимых форм и размеров. Напитки здесь наливали исключительно в серебряные и золотые кубки, что подавали на украшенных драгоценными камнями подносах, охрана могла сдерживать натиск небольшой армии, а каждому гостю дарили столько поклонов и улы-

бок, что ты поневоле начинал ощущать себя чуть ли не самим императором. Впрочем, и просить монет за подобное великолепие владельцы не стеснялись.

— Но оно стоит каждого потраченного медяка, тут даже ты спорить не будешь. К тому же, думаю, в последнее время мы славно потрудились и заслужили возможность хоть немного себя побаловать, верно? Тем более на деньги моего отца. — Макото ухмыльнулся и шумно отхлебнул из бокала. — Однако давай все же вернемся к куда более интересным вещам — спорим, что у тебя духу не хватит хотя бы разговор завести с той рыжулей?

— Пока мы платим — она вся внимание, — пожал плечами Кенджи. — Какую бы чушь ни городил любой из нас.

— Проклятье, твоя правда... — задумчиво произнес Макото, закидывая ноги на ближайший пуфик. — Тогда предлагаю кое-что получше: ты отправишь ей завтра корзину с цветами и предложением встретиться как-нибудь вечером. Если она откажет — ты выкинешь эту проклятую крестьянскую шляпу в ближайшую канаву. Ну а если проиграю я...

— Дай угадаю — ты улечишь момент и все равно выбросишь ее сам, верно? — со смешком перебил его Кенджи.

Он искренне недоумевал, с чего вдруг Макото так взъелся на его касу из бамбука. Тот же постоянно твердил, что подобное убожество пристало носить лишь пастухам и свинопасам. Однако Кенджи, если честно, было совершенно на это наплевать — от солнца шляпа защищала отлично, а большего ему и не требовалось. К тому же за ней удобно было прятать лицо, что с каждым днем становилось все более кстати.

После похорон Сато слухи о трех молодых воинах — сам Рю предпочел остаться в тени, и Кенджи, сперва не по-

нимавший причину подобной скромности, впоследствии успел сотни раз пожалеть о том, что не последовал его примеру, — которые спасли императорского мэцукэ¹, на голову разбили банду Черепов и вернулись живыми и невредимыми из Одиннадцати Звезд, мигом разлетелись по всему Каноку.

Теперь в любом мало-мальски людном месте их сопровождали десятки, если не сотни любопытных взглядов. Шуноморо ко внезапно нахлынувшей славе остался равнодушен, обращая на шепот за спиной не больше внимания, чем на шорох листьев под ногами. Макото же, напротив, обретенной популярностью явно наслаждался, с удовольствием рассказывая каждому желающему о том, как они ловко пробрались в логово Черепов, расправились с коварной колдуньей, пытавшейся их отравить, или же перебили целую стаю цутигумо², причем с каждым рассказом число павших демонов неуклонно росло.

Хоть поначалу самому Кенджи и льстил всеобщий интерес, однако довольно скоро он понял, что у этой медали есть и обратная сторона. Сложно сохранять спокойствие, когда толпа шушукающих незнакомцев следит за каждым твоим шагом и чуть ли не в кружку заглядывает, коль ты решил зайти в ближайшую харчевню промочить горло. Именно поэтому Кенджи старался как можно реже покидать квартал, где находилась резиденция Дома Змея, а в город он либо выбирался по ночам, либо предпочитал самые тихие улочки, старательно избегая столпотворений.

---

¹ Мэцукэ — государственные чиновники, следователи по особым поручениям в средневековой Японии.

² Цутигумо — паукообразные демоны из японской мифологии.

— Слушай, так если тебе эта барышня так сильно в душу запала, может, сам к ней и подойдешь? — предложил Кенджи и с усмешкой добавил: — Или ты все вздыхаешь по своей Майи?

Макото в ответ только густо покраснел, пробормотал что-то невразумительное и уткнулся в бокал, точно его вдруг замучила жажда. Майи Мицу из Дома Паука — девушка лет двадцати, с тонкой талией, длинной косой, большими грустными глазами и, если верить слухам, довольно холодным сердцем, — была давней зазнобой Макото.

Не так давно он и Кенджи столкнулись с ней и ее семьей, прибывшими на Турнир, — Майи едва ли удостоила их взглядом, тогда как Макото чуть голову не свернул, таращась вслед своей ненаглядной, за что и поплатился здоровенной шишкой на лбу, столкнувшись с так некстати подвернувшимся на пути столбом. И нет, не то чтобы Кенджи хотел задеть друга или посмеяться над его чувствами, — просто это было единственным, что могло заставить того умолкнуть хотя бы на пару мгновений. Разумеется, кроме его отца.

— Вот, значит, как, да? — проворчал Макото. — Я уже начинаю жалеть, что вообще тебе тогда душу открыл... Ладно, ладно, намек понял. Отстану я от твоей дурацкой шапки, а ты перестанешь тыкать мне пальцем в рану, идет? — Дождавшись кивка Кенджи, которого подобная сделка вполне устроила, Макото снова затянул старую песню: — Слушай, ну назови мне хотя бы одну вразумительную причину, по которой ты не хочешь попробовать свои силы в Турнире! Ты же с этой своей демонической штукой... прошу прощения, со своими внезапно открывшимися талантами, — быстро исправился он, поймав взгляд Кенджи, — влегкую можешь обойти добрую половину участников, а то и во-

обще победителем выйти. Ты хоть представляешь, от чего отказываешься? Во-первых...

Кенджи только вздохнул и откинулся на подушку, слушая его болтовню. Сам-то Макото, в отличие от друга, внес свое имя в списки претендентов одним из первых — и, признаться, это стоило ему немалых усилий. Решив схитрить, он поднялся задолго до восхода солнца, надеясь избежать толкучки, — но подобных умников оказалось куда больше, чем Макото рассчитывал. Некоторые заняли места чуть ли не со вчерашнего вечера!

Самураи победнее мужественно ночевали прямо под открытым небом, кутаясь в плащи и шерстяные одеяла, — несмотря на то что не прошло и половины осени, ночью уже становилось прохладно. Воины и маги побогаче отряжали на это дело слуг, а то и вовсе нанимали крестьян или бродяг, которые хоть круглый год с радостью бы переминались с ноги на ногу за пару лишних медяков. Еще до полудня очередь растянулась чуть ли не на полгорода, а едва солнце достигло зенита, как призывать народ к порядку явились почти все хатамото — личная охрана императора, состоящая из лучших бойцов и заклинателей, настоящая элита.

Шутка ли, такое количество скучающих бойцов в одном месте, не знающих, чем себя занять. Кто-то достал кувшин sake, кто-то прикатил из ближайшей таверны бочонок эля, прямо на земле застучали игральные кости и зашелестели карты; парочка юнцов решила померяться силами на потеху всем прочим, тут же особо пронырливые начали принимать ставки на исход драки. И чем меньше становилось выпивки, тем чаще среди толпы начинали вспоминать старые обиды...

В общем, тот день обошелся городу как минимум в семь разгромленных таверн, пять закрытых купален, одиннад-

цать разрушенных фонтанов и упряжку испуганных коней, очутившуюся на крыше ближайшего храма. Снимали их аж до полуночи, а то, каким образом они вообще туда попали, на следующее утро не смогли объяснить даже протрезвевшие виновники сего безобразия. Удивительно, но будущие участники отделались разве что сломанными ребрами или разбитыми носами, хотя первые жертвы могли появиться задолго до начала Турнира.

Все это Кенджи поведал лично сам Макото, вернувшийся только глубокой ночью — вымотанный, лишившийся куска рукава и одного сапога, с ног до головы пропахший потом, вином и луком; но лицо его, несмотря на пару свежих синяков и похожую на лопнувшую сливу губу, просто светилось счастьем.

— Ты представляешь, приперся даже этот засранец Хи-яно! — фыркнул Макото, прикладывая к лицу смоченную в холодной воде тряпку. Заметив недоуменный взгляд Кенджи, он пояснил: — Это хлыщ Дома Тигра, отпрыск правящей семьи. Ты наверняка видал его на совете — худой как каланча, плюгавый такой и вечно на всех зыркает, словно бы в дерьмо вляпался. Еле-еле в прошлом году четвертую ступень одолел — подозреваю, не без помощи казны своего семейства, — а уж гонору... Стою я рядом с ним, а он башку поворачивает к своим дружкам и говорит, будто бы меня тут и нет: «Не знал, что в этом году дети тоже соревноваться будут». Дети, ха! Да он меня старше на пару лет, не больше! Ох, попадись он мне — не то что меч больше держать не сможет, ходить будет с палочкой...

Последнее время мысли Макото — впрочем, как и всех остальных жителей столицы, — занимал только Турнир. Воины и заклинатели тренировались до седьмого пота, оружейники, бронники, портные, держатели борделей,

владельцы гостиниц и им подобная братия подсчитывали барыши, купаясь в деньгах, и даже уличные мальчишки ругались до хрипоты и лезли друг на друга с кулаками, защищая честь любимого Дома. Который, впрочем, утром мог быть совершенно другим, нежели вечером, а к полудню поменяться еще пару раз.

Самого же Кенджи всеобщая суматоха волновала не больше, чем ежегодное соревнование по поеданию риса, — да, в Каноку проводилось и подобное увеселение, к слову, имеющее немало поклонников. Нет, сейчас его тревожили куда более серьезные вещи. Пускай Жнец потерял большую часть своих союзников и едва не погиб сам, но он по-прежнему был могучим противником. Быть может, самым опасным человеком, с которым можно было скрестить мечи... Да и человеком ли?.. Кенджи своими глазами видел, как в него дважды вонзали кинжал почти по рукоять. Ни один воин, даже самый стойкий, не смог бы оправиться от подобной раны, даже если бы выжил, а Жнец не только не шелохнулся, но и смог продолжить бой, будто бы и вовсе не испытывал боли.

Не было сомнений, что его феноменальная живучесть была каким-то образом связана со сферами, что он разыскивал... как он там их называл — частицы Творцов? Чем бы они ни являлись на самом деле — ключьями души Пепельного Короля или же просто могучими артефактами, Кенджи чувствовал, что у мощи, которую он поглотил, есть свой разум. Холодный, яростный, не знающий пощады. В тот краткий миг, когда неведомая сила захватила над ним контроль, он ощутил такую густую волну ненависти, что еще чуть-чуть — и он бы обрушил ее на собственных друзей.

Хоть с той поры голос молчал, но эхо его злобы до сих пор звучало у него в голове. И даже сейчас Кенджи нутром

чуял, что сила эта не ушла и не спит, а лишь притаилась; точно поняв, что не сможет сломить Волю своего носителя, просто выжидает удобного момента. Сможет ли он одержать верх над паразитом, вцепившимся не в его тело — в душу?

Кто знает.

Но если он поможет ему свершить свою месть...

— ...К слову, у тебя есть мысли, куда запропастился этот брюзгливый старикашка? — спросил Макото.

Кенджи в ответ только пожал плечами. От Рю не было ни слуху ни духу уже несколько дней. Видимо, он отправился на поиски того самого человека, который, по его словам, знает что-то про эти таинственные сферы. Впрочем, ни Кенджи, ни Макото не сильно расстроило его внезапное исчезновение, и они решили сполна воспользоваться шансом перевести дух. Ведь с момента их возвращения они с самого раннего утра до позднего вечера проводили за тренировками под неусыпным и строгим взглядом Рю.

Бой на мечех. Бой с двумя клинками. Удары копьем, посохом и топором. Стрельба из лука. На своих двоих, лежа на земле, сидя на верхушке высоченного дерева, чья ветвь того и гляди надломится, и даже вниз головой. Метание дротиков и камней из пращи. Рукопашная — до сбитых в кровь кулаков. Все вышперечисленное, но с завязанными глазами. Лазанье по практически отвесной стене, прыжки на одной ноге по врытым в землю столбам и бесконечное заучивание правильной группировки тела при падении.

«Плюхаетесь на задницы, как мешки с дерьмом», — с неумолимой прямоотой заявлял Рю, когда они, кряхтя, поднимались с земли, ощупывая новые синяки.